

О судьбе писателя Александра Асаркана

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1672>

🎤 21 апреля 2013

Собеседник

Гаевский Вадим Моисеевич

Ведущий

Скляревская Инна Робертовна

Дата записи

Беседа записана 21 апреля 2013 и опубликована 22 июля 2016.

Введение

Вторая беседа с искусствоведом Вадимом Гаевским посвящена воспоминаниям о писателе Александре Асаркане, его характере и необычной судьбе. Гаевский рассказывает, как Асаркан, не кончив школу, пошел работать в книжный магазин, о чем долго мечтал; как послал первую открытку случайному человеку из телефонного справочника, а тот донес на писателя в КГБ. Оказавшись в результате в психушке, Асаркан выучил там итальянский язык. Писателя так и не приняли в Союз журналистов, придумывая всякий раз новый нелепый предлог.

Вадим Моисеевич Гаевский: Александр Наумович Асаркан, Саша Асаркан, человек, который жил в окружении легенд и оставил после себя несколько легенд, и одну большую легенду, которая так и называлась: «Асаркан». Самое интересное, что все эти легенды — абсолютно точные картины, подробности его жизни, не выдуманные ни им, ни тем более тем, кто эти легенды рассказывал. Легендарным было всё: и как он жил, и как он отсюда убрался, и как и почему он сел в тюремную психиатрическую больницу, как собрался отсюда уехать, как это не получилось, и как это получилось, и как он продолжил жизнь в Чикаго. Жил он в Москве один, потому что родители его были репрессированы, еще была какая-то тетка, которую ненавидел, которая как бы никакого отношения к нему не имела.

” Один в коммунальной квартире, которая, сколько он там жил, никогда не убиралась. Пыль там была, как кирпич, ее можно было бить, разбивать вот таким ножом острым или как-то еще, она не была пылью, консистенцией пыли, она была чем-то очень спрессованным, ею можно было торговать как каким-то новым материалом.

При этом он был очень чистоплотный человек, поразительно. А может быть, это было найденным способом устранять пыль: не с помощью пылесоса, а с помощью превращения пыли. Это была такая алхимия его жизни: превращение пыли не в золото, но во что-то твердое и непыльное. Туда запрещалось с тряпкой приходить, у него много было поклонниц, но они знали, что им позволено, а что не позволено. Можно было туда зайти — я там был один раз, — но с тем, чтобы ничего не трогать, ни книг, ничего... Он был книгочел, школу он не кончил...

Инна Робертовна Скляревская: А это какие годы, простите?

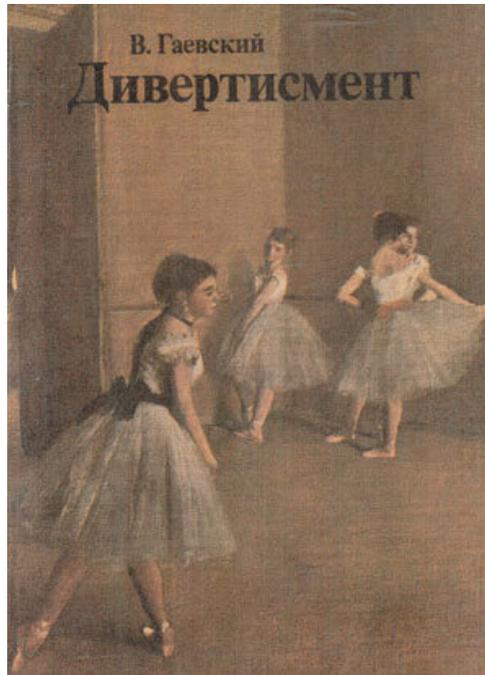
В.Г.: Это военное время, идет война.

И.С.: То есть вы знакомы с военного времени?

В.Г.: Чуть-чуть позднее. Я просто знаю его предыдущую историю.

” Значит, он уходит из школы, поступает туда, куда его влекло всю жизнь, — в книжный магазин. Он там стал сначала подносчиком книг, потом продавцом.

Он человек-книга, книжный, несчастье его жизни в том, что собственной книги при жизни в Москве не было. Мы издали одну его книжку — с моим даже, кстати, предисловием — он был очень недоволен, обижен даже, потому что я не сказал в предисловии того, когда он был уже в Чикаго, что он хотел: он по профессии журналист, а хотел быть писателем, я не сказал этого. Хотя я рассказывал, что литературное качество его текстов замечательное, но не сказал этого простого слова. Оказывается, нужно человеку, даже уходящему из жизни, такое простое слово. Он от меня его не получил, это моя вина, хотя я мог бы сообразить, что от меня нужно.

История первой открытки

Так он жил один, не знаю, до пятидесяти... Несмотря на то что родители были репрессированы, и он знал, что они незаконно репрессированы, тем не менее был по-своему патриотически настроен. И когда, после 9 мая, выяснилось, что наша война не кончилась, что Советский Союз объявил войну Японии, началась другая война, кончившаяся немножко позднее, — об этом сейчас забывают. Война не кончилась 9 мая, кончилась война с Германией, но Вторая мировая война, она еще продолжалась. Там продолжали американцы, потом сбросили бомбы на Хиросиму и Нагасаки, это позднее было, летом. Но наступили туда и наши, разбили Квантунскую армию знаменитую, потеряли довольно много. Его это страшно возбудило, он счел, что это несправедливо, потому что должны были американцы потерять своих людей. И он написал первую в своей жизни открытку.

” Открытки потом стали сопровождать его жизнь, это целая сфера его деятельности, творчества, чего хотите — изготовление открыток. Он великий мастер, «Асаркан и открытки» — это глава его жизни.

У него дома была машинка, без машинки он не существовал, это вторая часть его личности и натуры, он опубликовал такую открыточку, написал, что, вот, советские войска заслужили свою победу и заслужили мира, а воевать должны американцы. И потом, как в знаменитом романе, который он тоже, по-моему, в это время уже прочитал, «Каждый умирает в одиночку» Ганса Фаллады... Он по телефонной книжке открыл первый попавшийся, наугад, телефон, и по телефону увидел адрес. И по этому адресу, абсолютно ему неизвестному, послал эту единственную изготовленную открытку. Открытка дошла до адресата, а через два дня была сдана в КГБ. И в КГБ возникла не какая-то фикция, а реальный вещдок — открытка. Был организован отдел по поиску человека, который её написал... Хотя там был патриотический текст, но непозволительный: он выступил против политики партии и правительства. Искали его три года. Каким-то образом по шрифту этой пишущей машинки нашли, потому что он еще куда-то что-то посылал. В общем, пришли за ним через три года, то есть не в 1945-м, а в 1948-м—1949-м, вот в это время... Но суд — тогда еще у нас был более-менее гуманный суд — сразу распознал в нем некоторого сумасшедшего,

потому что только сумасшедшему могла прийти в голову такая идея...

” Они его не в лагерь послали, а в так называемую знаменитую тюремно-психиатрическую больницу Ленинграда, она знаменита была тем, что туда посылали действительно замечательных людей...

Ленинградская тюремная психушка

В.Г.: Из Москвы, туда посылали московских — тогда еще не было этого слова — диссидентов. Но там было замечательное общество, очень грамотные люди, в частности, сын Есенина Вольпин там был...

И.С.: ...сидящий в этой психушке?

В.Г.: Там сидел. Сидел брат генерального секретаря Израильской компартии Микуниса, который, правда, сидел один, больше помалкивал; очень он коммунист был такой...

” Сидели очень веселые люди и очень образованные, которые Асаркана сразу приветили и заставили учить итальянский язык.

Он выучил, знал итальянский язык, потом этим пользовался в своей дальнейшей жизни. Там был знаменитый случай, когда они устроили конкурс на название колхоза, кто лучше придумает, и выиграл это название, самое остроумное название колхоза...

И.С.: Асаркан?

В.Г.: Нет, не Асаркан и не один из этих остряков, а человек, который все время молчал среди них, но оказался самым остроумным. Название колхоза, конечно, совершенно гениальное: «Колхоз имени позора подлым убийцам Сакко и Ванцетти». (*Усмехаясь*.) Колхоз имени позора Сакко и Ванцетти...

И.С.: 1948 год? 1949-й?

В.Г.: Нет, это знаменитые люди итальянские, они в 1920-х годах подняли там забастовку. По всей стране прошли у нас тогда митинги в защиту Сакко и Ванцетти. Они были...

И.С.: Нет, конкурс в психушке – это 1949 год?

В.Г.: Да-да-да.

И.С.: Их еще не накачивали препаратами? Они просто там сидели как в тюрьме?

В.Г.: Нет-нет, наоборот, их спасали, их изолировали, спасали, это была единственная в своем роде больница...

И.С.: Кто спасал? Врачи?

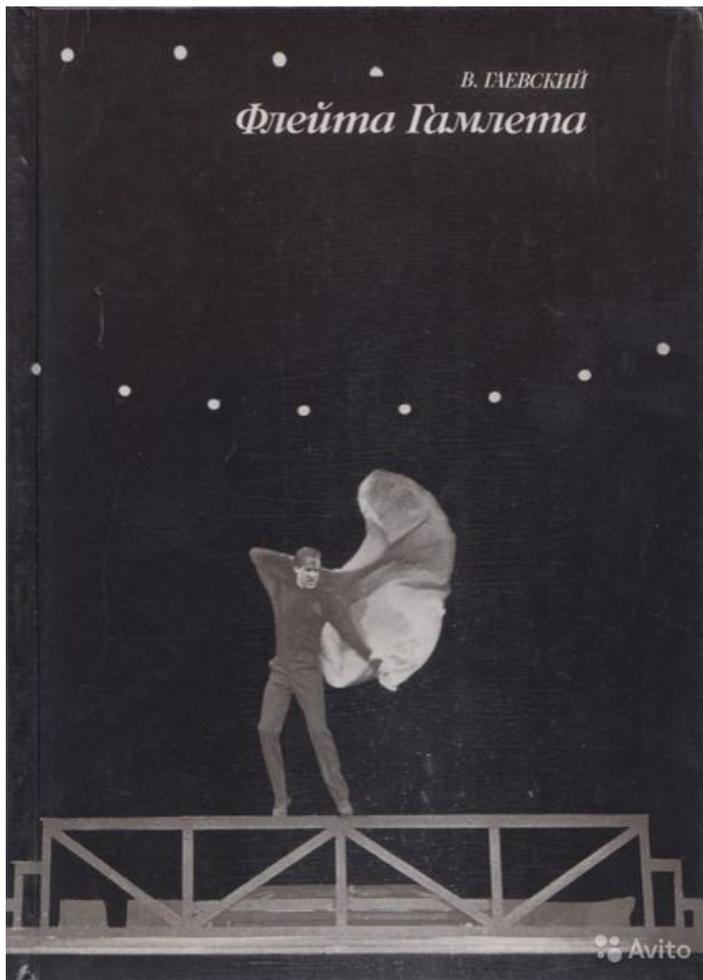
В.Г.: Врачи, сама эта психушка, потом её прикрыли.

И.С.: Врачи спасали?

В.Г.: Это не годы андроповские, когда диссидентов сажали, хотя его тогда тоже забирали, но уже в Москве. Уже с тех пор он был каким-то подследственным в этом смысле. Нет, колхоз имени позора подлым убийцам Сакко и Ванцетти (*смеется*)! Имени позора (*смеется*)! И оттуда он вышел, имея итальянский язык, совершенно не имея никакого образования, имея очень много приятелей, и чувствуя себя человеком

очень просвещенным.

И.С.: А сколько он там сидел и сколько ему было лет?

Домашний колледж Асаркана

В.Г.: Какое-то время, я не помню, главное не в этом — он вышел оттуда с чувством, что должен распространять просвещение среди молодежи... И отсюда начался Асаркан, этот самый домашний колледж, и какие-то молодые люди, которые к нему тянулись, потому что он проповедовал только одно: уходите из школы. Я ушел из школы, видите, я теперь итальянский язык знаю, и вы уходите: школа — это зло, а добро — это свобода...

И.С.: То есть это 1950-е, начало 1950-х годов?

В.Г.: 1950-е. В частности, Вадик Паперный был одним из первых, кто ушел из школы, тот который сейчас прославил на весь мир нашу культуру... Сейчас он вторую книжку там сделал, сделал два фильма об Асаркане, в одном я принимал участие, говорил. Вадик Паперный — это из колледжа его, его ученик. Там еще были несколько учеников, писатели эти знаменитые появились, который сейчас в Англии очень популярный, сейчас даже у нас его издали — Зиновий Зиник. Значит, поэты: Михаил Айзенберг.

Сотрудничество с журналом «Театр»

И тут как раз началась Асаркана вторая жизнь, к которой я имею некоторое отношение, потому что он был к тому же театралом страстным, балетоманом, и у него была любимая балерина в театре Станиславского. Однажды куда-то мы с Асей ходили по Парку культуры, пришли погулять и встретили Асаркана, которого где-то когда-то я видел. Он был с молодым человеком, который потом, подчинившись его урокам, умотал из страны прямо в Париж и там стал актером, только на выходах, в «Комеди франсез», не больше не меньше, вот так. Он очень много говорил, в три раза быстрее и в четыре раза больше, чем я. И мы слышали, что-то он там написал, и я говорю: «Саша, вот есть журнал «Театр», я там начал тоже это все делать, приходите, я там о вас скажу». Я действительно о нем сказал Борису Зингерману, зав. международным отделом. Он туда пришел, там начал печататься и напечатал там сначала несколько таких, просто материалов из итальянской прессы — язык пригнулся. А потом начал писать статьи. Я очень хорошо их помню, он очень почитал тогда кубинскую революцию, Кастро — ну, тогда все почитали.

И.С.: И вы?

В.Г.: Да, тогда все почитали.

И.С.: И вы?

В.Г.: Да-да, поначалу все...

И.С.: Подождите, вы почитали Кастро?

В.Г.: Нет-нет, я как бы нет, но он да, почитал Кастро. А что Кастро?.. Потом замечательную статью прочитал — он очень любил Эфроса и Булгакова. А булгаковское что они поставили — «Мольер» ... Несколько исповедального характера, о человеке, который прячется. Стал печататься, и стал Борис обращать на него внимание, печатал его...

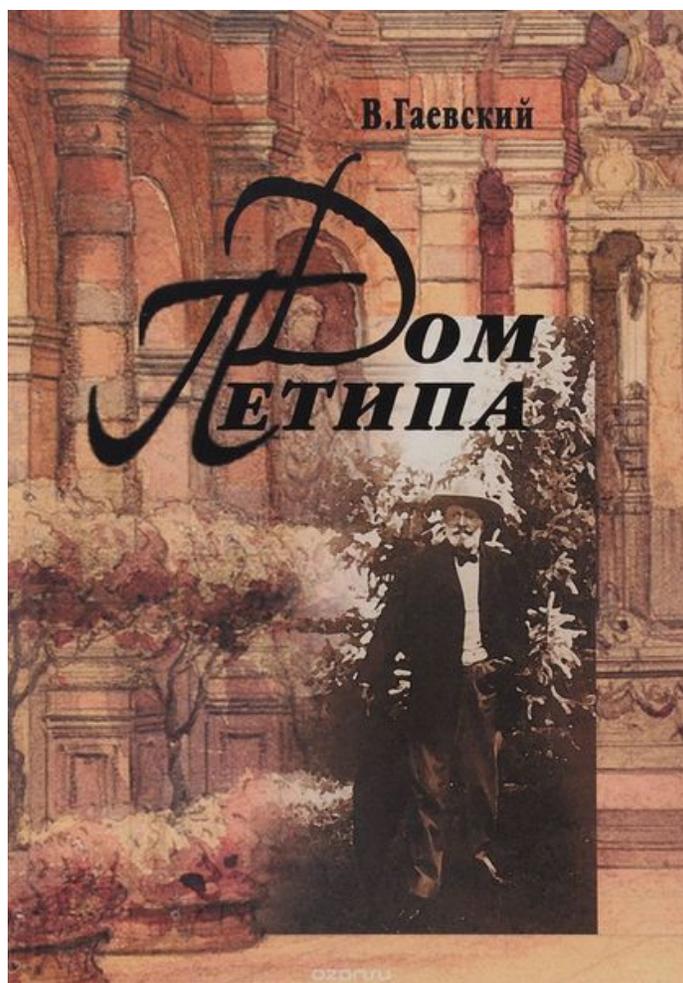

Со своей машинкой не расставался, как некоторые со своими собачками — Образцова ходит, и всегда с ней...

Две потребности в жизни у него было: «Шипка» — сигаретки самые дешевые, без фильтра, острые, и кофе — был великий знаток московских кофеен. Дома, где была эта пыль в виде кирпичей, он долго не сидел, гулял по Москве. Москву знал как мало кто. Он прирожденный гид. Когда переехал в Чикаго, через год он возил даже местных жителей по Чикаго. Его особый интерес был вообще к архитектуре, к внешнему, к городу. Он всё знал, всю Москву. Москва была не такая большая, как сейчас, но она была и не маленьким городом. Кривоколенный переулочек, я вспомнил, он жил там около Солянки.

И.С.: Кривоколенный?

В.Г.: Да. Вот, значит, и как-то сразу обратил на себя внимание, потому что ярко написано, очень ярко — прирожденный журналист, который действительно печатал там всё, не обращая внимания на шум в редакции, иногда даже принимая участие в разговоре, он всё это печатал. Вот так, в первый раз, я увидел, в первый и последний раз, что такое литературный талант настоящий. Вот меня называют, во мне его видят, талант — нет, я — нет... Это реальный талант, сел — и сразу всё написал. Правда, его это иногда подводило...

Сотрудничество с «Московским комсомольцем»

Ему поручили, он стал колумнистом в «Московском комсомольце», это была очень прогрессивная тогда газета, я там начинал.

И.С.: В какие годы? После института?

В.Г.: Да, после института.

И.С.: Или еще во время ГИТИСа?

В.Г.: Нет, после института, после смерти Сталина.

И.С.: А, после смерти Сталина. И что вы там делали?

В.Г.: Я написал первую свою статью...

И.С.: А про что?

В.Г.: Про патриотический спектакль Георгия Александровича Товстоногова.

И.С.: Так у вас была патриотическая статья? У вас?

В.Г.: Была, была.

И.С.: О!

В.Г.: Была, была, всё было. И Асаркан довольно быстро, кстати, выяснил, что это не для него. Он человек, который мог за полчаса написать, но не мог работать к сроку совершенно... Быстро исписался... Там надо было все время делать к какому-то определенному времени, он к какому-то не мог это получить, и он ушел из «Комсомольца».

И.С.: Тогда же не было колумнистов.

В.Г.: Был, первый колумнист наш, первый опыт...

И.С.: А слово такое было?

В.Г.: Нет. У них там два слова было — «старик», они все называли себя «стариками» в газете, и «колумнист» первый раз появилось. Он-то знал английские все эти слова. Последняя его статья, которую он написал в «Московском комсомольце», — рецензия на «Сильву», «Сильва, которая не позволит себя просто так поцеловать», что-то в этом роде.

Неудача с книгой

А потом предложили ему написать книгу о нашей критике, которая только что возникла, но уже возникла. И Асаркану даже дали командировку во Львов, чтобы там её написать. Ему дали подъемные...

И.С.: Почему во Львов?

В.Г.: Он любил этот город очень...

И.С.: То есть его послали в тот город, который он любил?

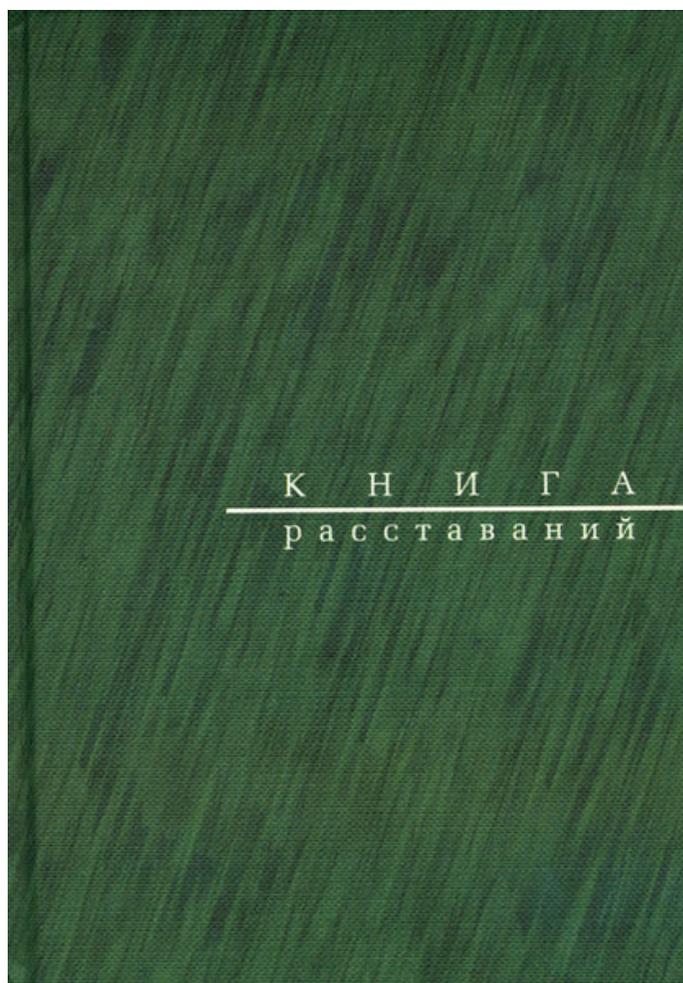
В.Г.: Да-да.

И.С.: В каком году такое было?

В.Г.: Это одна из оттепелей была. У нас было три оттепели, одна из оттепелей, вдруг какие-то деньги появлялись. Тогда еще не бросились сюда совсем уже абсолютные бандиты пера, которые сейчас захватывают всё. Он укатил туда и неосторожно позвонил мне, рассказал, как придумал название. Название я запомнил, конечно, название гениальное было — «Комментарии к мутной воде». Дальше дело не пошло, потому что речь шла о критике желтого рода, не о лучших, не о Борисе Зингермане, который ему поручил, нет. Тогда появилось, только чуть-чуть, то, что потом стало называться желтой прессой, — такая, связанная с театром, с кино. Он всё это читал, всё это очень презирал, но придумал название «Комментарии к мутной воде». И всё кончилось.

И.С.: То есть когда он это вам это произнес...

В.Г.: Он когда мне произнес, я сказал ему: «Саша, молчите, дальше ничего не рассказывайте!» Я сам это понял. Он говорит: «Ха-ха, не бойтесь, всё будет сделано». Ничего не было сделано, он, пристыженный, вернулся... Но у него не потребовали возвращения аванса, бывают такие случаи, как известно (*смеются*). Тогда его подхватил такой Саша Авдеенко, он стал работать в «Неделе». Вот там-то, в «Неделе», его талант оценили: Авдеенко — тот, который потом создал газету «Экран и сцена», он прошлым летом умер. Это большой поклонник Саши Асаркана, который его просто привел к себе... У Асаркана статус появился.

Причины, по которым Асаркан уехал

Как только у Саши появился статус, он захотел отсюда уматывать. Правда, у него была постоянная, конечно, обида. Дело в том, что когда происходили в Москве события, в частности, «Олимпиада-80», его тут же забирали, посылали в психиатрическую больницу. Тогда было общее правило: всех, кто находится под наблюдением, с тех пор еще, забирать... — мало ли что.

И.С.: Это 1980-е?

В.Г.: Да, 1980-е.

И.С.: Но там уже совсем другие были психиатрические больницы.

В.Г.: Нет, попал он в замечательную больницу.

И.С.: То есть еще были нормальные...

В.Г.: Отец Оли Тарасовой был главный врач. Это был легендарный врач, который людей не гробил, наоборот.

”

Оля Тарасова — наша приятельница, балерина в прошлом, с которой я дружил, был даже, как выяснилось, её женихом одно время — было такое в моей жизни. Да-да, значит, когда я это понял, как-то позорно...

И.С.: А, то есть вы это не знали?

В.Г.: Я приехал к ним, но я не понял, что... Со мной очень смешная история произошла — неважно. Олечка, мы дружим, когда видимся, еще до сегодняшнего дня. Она — учительница Жени, который погиб, создатель альтернативного театра.

И.С.: Панфилова?

В.Г.: Панфилова. Это его учительница, единственная, которую он признавал. А это ее единственный ученик, талантливый очень. Значит, Асаркан. Отец Оли выручал людей, особенно когда ему говорили... Но то, что Асаркана забирали... Во-первых, так нагло приходили — его милиция забирала. А во-вторых, это было время кинофестивалей, джазовых фестивалей, это было время его жизни... Я это описал, что такое для него был первый джазовый фестиваль. Он очень музыкальный человек был, не имел никакого образования музыкального, но музыку знал, понимал, чувствовал. И он набирал газет большое количество и там пропадал целыми днями в окружении молодых людей. Он такой был, сверкающий человек. Вот, а Олимпиада — это его время, или первый международный у нас — как называется, молодежный вот этот?..

И.С.: Фестиваль?

В.Г.: Фестиваль. Тоже забирали.

И.С.: То есть 1957 года?

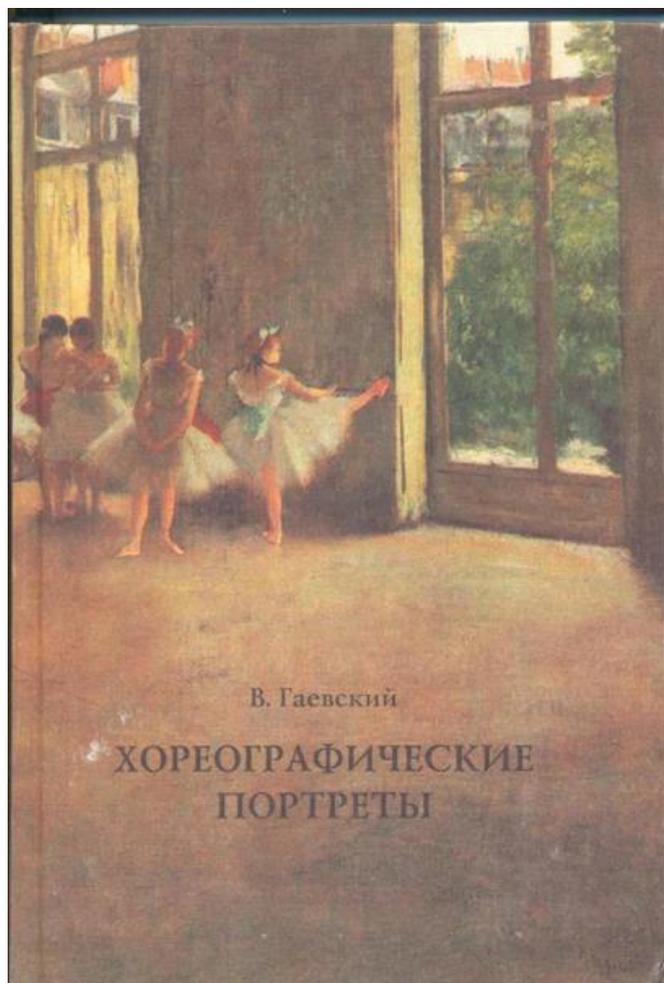
В.Г.: Да-да. Он в картотеке был. Когда приезжают иностранцы, надо его забирать. И это стало причиной его желаний уехать.

”

Правда, он поступал дважды в Союз журналистов. Первый раз его не приняли, потому что не мог принести справку с работы. Он ушел, это узнал Авдеенко, сказал: «Вот тебе справка с работы». Он опять подал заявление, ему сказали: мы людей работающих не принимаем. Издевательство было такое, не приняли оба раза.

И.С.: А нельзя было забрать справку?..

В.Г.: Нет, уже поздно, уже они знали. Значит, он решил уехать.

Заявление на выезд из страны

Асаркан уже был женат на Оле, сейчас она в Лондоне, уже был отцом своей дочки и, по-видимому, отцом другой дочки Ольгиной, потому что она поразительно на него похожа, хотя там у нее был муж другой. И тем не менее он подал заявление, что хочет соединиться со своей теткой. В ОВИРе это вызвало дикий смех: здесь есть жена, дочка — какая тетка?! (*Смеется.*) Он очень смутился, потому что ему самому это... А так уезжали, для воссоединения с тетушками, но все-таки не люди, которые оставляли законную жену и дочку. Какая тетка?! Раз в жизни мы видели его смущенным. Но через какое-то время он пришел в себя и написал заявление в ОВИР, к нам приходил, мы его читали.

И.С.: А, он приходил?

В.Г.: Да-да, одобрим ли мы это заявление. Заявление было по-своему замечательное: «Уважаемые товарищи, я хочу уехать, воссоединиться со своими, хотя бы и дальними, родственниками. И, по-моему, вы должны быть в этом заинтересованы, не потому что я когда-либо наносил вред своей стране или собирался наносить, ничего подобного. Но я этой стране никогда не приносил никакой пользы (*смеется*)... Поэтому самое лучшее — освободиться от меня». Вот этот аргумент...

И.С.: Подействовал?!

В.Г.: Еще как! Там тоже решили, что это сумасшедший. Ну что это такое — за то, что я не приношу нашей стране пользы?..

И.С.: А это какой год?

В.Г.: Я уже забыл, какой, но это год маленького какого-то послабления.

И.С.: То есть между 1980-м и 1985-м?

В.Г.: Да-да-да, что-то в этом роде, когда он уехал. Он уехал давно.

И.С.: В 1982-м.

В.Г.: Его отпустили. Дали ему разрешение, раз нет пользы. Там, по-видимому, тоже был смех, это совершенно анекдотический был случай...

И.С.: А Ольга? Жена?

В.Г.: А они как бы в этот момент разошлись, она нашла себе Эльмана, англичанина, который её увез, с обеими дочками. Одна попала в монастырь, старшая, красавица совершеннейшая, а вторая стала абсолютным Асарканом, мы ее слышали по Би-би-си, она болтает совершенно так же, как он, безостановочно, долго, внятно, с другой стороны — всё понятно. Это его дочка родная, вылитый Асаркан. Дальше были проводы, знаменитый отъезд его. Он через Вену ехал, через Италию, и потом — в Штаты. Он в Израиле так ни одного дня и не был.

И.С.: То есть имелось в виду, что он к тетушке в Израиль, понятно.

В.Г.: Да.

И.С.: Понятно.

Багаж уезжающего Асаркана

В.Г.: Он явился с авоськой, в которой была...

И.С.: ...пишущая машинка?

В.Г.: Пишущая машинка, двадцать пачек «Шипки», и забыл третье, что он взял с собой... Батончики, шоколадные батончики, он с ними не расставался. Шоколадные батончики вот эти, и больше ничего.

И.С.: И это был его багаж?

В.Г.: Это был его багаж. Они посмотрели: да, все понимаем. Идите сюда, так, разденьтесь. Никто не поверил, что это действительно багаж.

И.С.: Его страшно обыскивали?

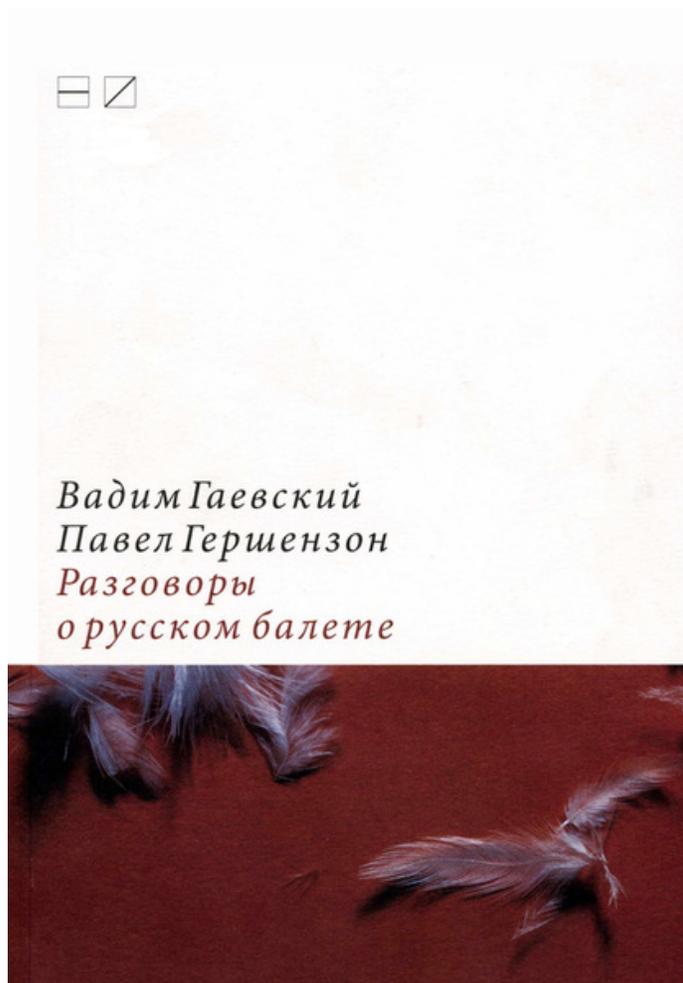
В.Г.: Ещё как. С зондами, думали, что он провозит драгоценности. Задержали — небывалый случай — самолет. И не могли ничего найти. Они не верили, что известный человек так может уехать. Так не может быть, нам же попадет, ведь он сейчас провезет что-то, и нас с работы снимают! А ничего не было. Ничего.

И.С.: Он на пустое место поехал в Чикаго?

В.Г.: Да, абсолютно. Саша ничего не боялся, вообще ничего. Там, по-видимому, был уже и Литвинов, были бывшие сидельцы, которые знали его.

И.С.: А, то есть он все-таки поехал к кому-то?

В.Г.: Нет, что вы, ни к кому, по визе, какие-то люди знакомые были... Английского он не знал, итальянский мог пригодиться в Италии, откуда он тут же убрался.

Жизнь в Америке

Он попал в результате в Чикаго... Единственное, что там ему мешало — там была идеальная чистота в квартире, в которую его поместили. Там всё было, всё, что ему надо. Он начал печататься в «Новом русском слове» — знаменитая газета, две статьи даже прислал мне, у меня дома есть, блестящие. Он начал саркастически по поводу американского телевидения выступать — он любил очень смотреть, и они испугались: это другой стиль, другой уровень. Довлатову можно, а какому-то Асаркану, которого не знают, нельзя. Они не знали, кто такой Асаркан, потому что он ещё не успел стать Асарканом. Он уже здесь стал Асарканом, но мог бы стать большим Асарканом, выдающимся Асарканом. Но в этот момент, когда пошло всё, когда он занимался только на фестивалях, давал отчеты, которые потом опубликовали с моим предисловием, и его страшно обидело, что я не назвал его писателем или литератором... У него была редакторша, которая ему благоволила, она там что-то вставляла, слово «буржуазный», например. Как мы могли пропустить, что у него слово «буржуазный»? Он пурист был, пурист, чистоплюй в жизни и пурист в стилистике. «Буржуазный!» Как могли?..

И.С.: А вы просто взяли из того, что опубликовано?

В.Г.: Всё, что было, ничего не меняя. А зачем менять?

И.С.: То есть с редакторской правкой?

В.Г.: Да-да-да-да-да. Откуда я знал, что это её правка? Нет ничего страшного в слове «буржуазный», лично я ничего не увидел. Буржуазное кино — так оно и было буржуазное, особенно теперь у нас. Вот там,

значит, кончилась его литература. То есть она началась хорошо, но, повторяю, он, конечно, по уровню намного выше, он блестящий был человек. И они не оценили этого всего. Потом, они очень архаичны, а это человек современный был, он любил и понимал и современный джаз, и театр, всё это прекрасно понимал, и современную стилистику, как это называется — дискурс.

Они писали так, как эмигранты писали, еще второй или третьей волны. Поэтому не сошлись характерами совершенно, и он... он остался один.

Он там принимал гостей, туда приезжали – он водил их по Чикаго, местных водил. Там у него моментально, как всегда, возникла девочка, рыжая девочка. Причем он никаких романов близко даже не заводил, но обожательницы — он завоевывал мгновенно. Тут у него тоже были. Он один раз был женат. Жить с ним невозможно, потому что он наводил дома порядок, отчаянный был фанатик, абсолютный тиран: как приготовить чай, если не так — так это всё — фьюить... выливается вон. Это знакомая вещь. Много он не хотел, но какие-то вещи, вот как приготовить чай — это надо было уметь. Как кофе варить. Либо ты делаешь — делай по-человечески, по-настоящему, либо вообще не лезь. Из-за этого он поссорился со своей практически женой, второй женой, которая потом стала женой Даниэля, Ирой Уваровой. Значит, он там поселился на какое-то время, потом приехал Даниэль... Он должен был уйти, потому что невозможно было с ним жить. Он ушел, его как бы прогнали, потому что он деспот, совершеннейший деспот. Там есть несколько людей, которых он почитал. Почитал он Асю, которая была к нему равнодушна, очарована была его красноречием. Он приходил к нам. У нас было всегда, сейчас этого уже нет, большое кресло, кресло Асаркана, там никто другой при нем не имел права сидеть. И что-то всегда он получал, хотя всегда приходил с подарочками, какими мог, но что-то ему давали. В частности, в последний раз была большая полугодовая ссора...

И.С.: Ссора?

Ссора

В.Г.: Ссора, обида на меня, потому что там ставилось детское питание, скляночки, не бутылочки, а...

И.С.: Баночки?

В.Г.: ...баночки с детскими этикетками, и пустые баночки. И Ася дала ему чай или кофе, отлила в эту самую баночку с этикеткой.

И.С.: Отсыпала?

В.Г.: Отсыпала, мы всегда что-то ему давали, всегда. А я говорю: ты этикетку сохрани, она мне нужна, я пересыплю туда. И он обиделся...

И.С.: А зачем вы хотели сохранить этикетку?

В.Г.: ...на полгода, что не получил этой баночки с этикетками... Вообще даже не заметил я этого, тамкое-что было, конечно.

И.С.: А зачем вы хотели сохранить?

В.Г.: Я не помню, я вообще думал, какая может быть обида?...

И.С.: Нет, ну зачем этикетку-то вам нужно было?

В.Г.: Зачем?

И.С.: Зачем вам нужна была этикетка?

В.Г.: Для чего-то. Ну либо она мне самому понравилась... А, да, я тоже посмотрел на него страшными глазами. Нет, она сообразила, пересыпала, но он видел мои глаза и сказал: вот и всё. (*Оба смеются.*) Да, великая ссора из-за... Вот такие есть, знаете. Это вот Асаркан, вот такой Асаркан.

И.С.: А что с открытками?

Открытки Асаркана

В.Г.: Да. Главное дело — приготовление. Он изготавливал их сотнями и тысячами. Это особый предмет.

И.С.: То есть объект — это...

В.Г.: Ко дню рождения, ко всем событиям он всегда посылал всем своим знакомым, изготавливал. Они сейчас все изданы, есть сайт «Асаркан», там все...

И.С.: Да.

В.Г.: Там можно это поглядеть...

И.С.: Да.

В.Г.: Там все наши статьи, и мои о нем, и не только, все. Там все блестящие люди, все его ученики, кроме меня, они все присутствуют.

И.С.: А вы как бы тоже были его учеником или вы все-таки...

В.Г.: Нет, никогда.

И.С.: Вы были все-таки в одной параллели?

В.Г.: Я, во-первых, старше на год, прежде всего.

И.С.: Ага.

В.Г.: И потом я воплощаю буржуазный, мещанский образ жизни, а он его все время поносил... Но Ася его очень хорошо принимала...

В.Г.: Он там вообще царь и бог, конечно...

И.С.: Это и было главное ваше мещанство.

В.Г.: И вот всё. Это совершенно, замечательно, надо открытки показать. Это очень сложно изготовлено, технологически сложно, потому что на клею, это такой коллаж, в буквальном смысле коллаж, только не такой большой. Там всё разумно – все, что там существует. Потом обязательно это на что-то наклеивается, что-то подрезается...

И.С.: То есть это как бы то, что называется в современном искусстве «объект»?

В.Г.: Да, тогда этого не было, это был объект, да. Делал он их колоссально много, они требовали очень большого труда: помимо того, что надо было склеить, надо было вырезать, придумать тему. Либо просто какое-то событие – но не просто послать открытку, а надо ее как-то оформить, дополнить чем-то, превратить ее ...

И.С.: Артефакт?

В.Г.: Артефакт. Это есть артефакт. Тогда мы таких слов не знали, и он не знал, но он их создавал. Они, Лена Шумилова, мой редактор, влюбленная в него женщина, даже ездила к нему в Чикаго. Вот она это всё собирает, она сделала сайт, вскоре какая-то книжка о нем выйдет, договорилась с Прохоровой Ириной, которая «НЛО», «Новое литературное обозрение», что там будут делать книжку. Он яркий человек,

который незабываемое у всех оставил впечатление своим бескорытием, своим безденежьем, своей открытостью... И своей только начавшей раскрываться литературной одаренностью, конечно. Но он абсолютно не берег ничего, и иногда целые проблемы были, что подштанники рваные, начинал собирать у кого-то, одалживать на какое-то время. Но, повторяю, сделать он мог многое, потому что это было самое очевидное олицетворение таланта, которое я встречал в своей жизни. Я никогда не видел такой способности – очень высокого класса текст. Но он чаще всего занимался обслуживанием какого-то кинофестиваля. Он пару раз или три раза получал предмет серьезный, он все делал на уровне предмета, вот булгаковский спектакль делал Эфрос... Какой же позор, что я не могу вспомнить...

И.С.: Я тоже не помню.

В.Г.: Какой же у Эфроса... Но он, Эфрос — это было его увлечение, он мог бы о нем книжку написать запросто, есть статьи, есть всё. Но он человек того времени, человек кофейный...

И.С.: Какого?

В.Г.: Вот того времени, 1980-е — 1970-е...

И.С.: То есть все-таки 1980-е — 1970-е?

В.Г.: Значит, выходил он...

И.С.: То есть он не шестидесятник, а более поздний?

В.Г.: Нет, он не шестидесятник...

И.С.: То есть он явление, я так понимаю, московской жизни того времени?

Кафе «Артистическое» как образ жизни

В.Г.: Нет. Он утром выходил из своего дома, из Кривоколенного, шел по Москве и приходил в кафе, когда не работал, в кафе «Артистическое», напротив Художественного театра, где кофейня была такая, и у него был свой столик, его знали. И там собиралась вокруг него молодежь его «колледжа» и вообще его приятели, известные люди московские, не говоря уже о начинавших театр «Современник». Иногда, когда были денешки, он угощал, когда не было денег, что было чаще всего, его угощали. Но всегда ему даже в долг давали. Сейчас закрыли кафе «Артистическое», перенесли куда-то. Оно знаменито тем, что мхатовские актеры туда перед спектаклем заходили, и всегда перед спектаклем у них была там своя норма — полстаканчика, пятьдесят граммов коньячку, они всегда это делали.

Однажды Грибов, который жил через дорогу, по ту сторону Тверской, опоздал в театр и не успел выпить полстаканчика. Он вышел в антракте, потому что без этого нельзя. Вышел в антракте, пошел обратно, в это время остановилось все движение, потому что Алексей Николаевич Грибов в этот день играл Владимира Ильича Ленина. И вот вышел Ленин...

И.С.: (Смеется.) Откуда такая байка?

В.Г.: Какая байка?! Это факт, какая байка!

И.С.: Но вы это видели? Кто вам рассказывал?

В.Г.: Какая байка! Изгнан из театра был! Какая байка! (Смеются.) Остановилось движение, остановились люди: совершенно живой Ленин... Нет, все знали, что он там, в Мавзолее, но забыли про это, на минуточку оцепенение получилось. Это совершенно замечательная история, сейчас, если появится живой Сталин, тоже... Нет-нет-нет. Во-первых, в народе живет сознание, что они бессмертны. Ленин, тогда еще Ленин...

И.С.: Когда это?

В.Г.: Когда к ленинским нормам все возвращались. «Человек с ружьем»... «Кремлевские куранты» — где он играл Ленина. Его одно время выгнали из театра и взяли другого Ленина, ученика Кнебель, забыл его фамилию, известный, хороший актер. Это никакая не байка, это (смеются) свидетельствует вообще о МХАТе о том. С двух сторон там встали, ждали, когда он вернется обратно. Он зашел, выпил и ушел.

И.С.: А в кафе как отнеслись?

В.Г.: Сидевшие вообще ничего не заметили, улица заметила, что самое поразительное. Асаркан любил это место, там у него был его столик постоянный. Он вообще был такой московский, он был московским наблюдателем в буквальном смысле, ходил, смотрел, рассказывал... Такой москвич абсолютный, которому в Чикаго делать нечего, в чистеньком Чикаго, там дома строятся так, что пыль высасывается, понимаете? Там делать ему было совершенно нечего. И он скоро заболел и умер. Умирал он довольно тяжело, правда, семья все-таки приехала к нему, его навещала, обе его девочки. И вот издали его книжку — я-то очень горжусь, потому что это моя идея. Был, повторяю, такой литератор, Александр Асаркан. Историй всегда масса, я забыл уже сейчас, чувствую, что под этим самым стал забывать все, что хотел рассказать.

И.С.: Под камерой?

В.Г.: Остальное в следующий раз...

И.С.: Хорошо.

В.Г.: ...потому что у меня очень многое с ним связано, помимо баночек с наклейками. (Смеются.) Ну вот, так мы жили. Эти яркие люди, они были настолько... Сейчас их стало больше, хотя вроде ощущение, что отсюда ушли... Но всё равно их больше, больше, больше — или они перестали бояться своей яркости,

тогда боялись, скрывали, мимикрия была такая, серость как мимикрия. А он ничего не боялся. Ходил всегда полуодетый, всегда без шапки, у него не было пальто, кто-то ему дарил пальто, потом оно куда-то исчезало. Не торопился, пока шел по дороге, заходил во все кофейни, везде пил кофе, знаменитый его проход такой каждый день, пока не стал работать, и там у него было свое местечко, вот и всё. Московская художественная богема его очень хорошо знала, и «Современник» его знал — да, Саша, Саша, Саша. Именно потому, что сложности никогда не было, но были открытки, он помнил все дни рождения. Это у Аси как раз, воспитал он у нее, она теперь записывает, он нас приучил, что, во-первых, мы всегда всё получаем, но он даже знал, как кто чего, у него память была такая. При этом невероятная — повторяю, качество вроде неожиданное — чистоплотность была, при этой пыли, и деликатность — при том, что, вообще говоря, говорил вещи подобающие, он был очень деликатный. Никогда не сплетничал, журналист-несплетник — это редчайший случай... На этом мы кончаем, всё.